

С Т А Т Ь И

## ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВО

## ПРОБЛЕМА УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В СВЕТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ\*

© 2018

В. А. КУЗНЕЦОВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;  
Институт востоковедения РАН  
E-mail: vasiakuznets@yandex.ru  
Поступила в редакцию 24.12.2017

*Статья посвящена проблеме укрепления государственности на Ближнем Востоке, ставшей в последние годы одной из ключевых в политическом и политологическом дискурсе об этом регионе. Проблема рассматривается автором сквозь призму теории социальных порядков Д. Норта. Ее применение к региональной ситуации позволяет преодолеть ограниченность странового анализа, определить основные векторы внешней помощи государствам Ближнего Востока. Акцентируется внимание на необходимости принципиально разных подходов к переживающим вооруженные конфликты Сирии, Ливии и Йемену и к другим, относительно стабильным странам. В случае первых укрепление государственности увязывается с проблемами урегулирования конфликтов, создания стабильных господствующих коалиций, связанных взаимными гарантиями. В качестве “стабильных” стран рассматриваются Иордания, Египет, Тунис, Алжир и Марокко, определяется специфика доступа к ренте, формирования элит, организационно-институционального развития, механизмов контроля над насилием.*

**Ключевые слова:** Ближний Восток, государственность, социальный порядок, порядок ограниченного доступа, Дуглас Норт, конфликты, развитие, политические системы.

DOI: 10.7868/S0869190818030019

STRENGTHENING OF STATEHOOD IN THE MIDDLE EAST  
IN THE CONTEXT OF THE THEORY OF SOCIAL ORDERS\*\*

Vasily A. KUZNETSOV

Lomonosov Moscow State University;  
Institute of Oriental Studies, Moscow  
Email: vasiakuznets@yandex.ru

The article examines strengthening of the statehood in the Middle East. It has become one of the key topics in political discourse on the Middle East last years. The author makes use of Douglas North's theory of social orders. Its application to the regional situation allows to

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-37-01018.

КУЗНЕЦОВ Василий Александрович – доцент факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующий Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Vasily A. KUZNETSOV – Associate professor of the Faculty of World Politics of the Moscow State University; Head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

\*\* The reported study was funded by RFBR according to the research project № 17-37-01018.

overcome the limitations of the country analysis and to determine the main vectors of external development assistance to the countries of the region. One needs fundamentally different approaches towards Syria, Libya, and Yemen that nowadays face armed conflicts, and towards relatively stable countries. In the case of the conflict countries, the consolidation of statehood is linked to the problems of conflict resolution, creation of stable dominant coalitions based on mutual guarantees. As examples of stable countries, the author takes the cases of Jordan, Egypt, Tunisia, Algeria, and Morocco. He analyses the specifics of access to rent, formation of elites, organizational and institutional development, and violence-control mechanisms.

**Keywords:** The Middle East, statehood, social order, order of limited access, Douglas North, conflicts, development, political systems.

Проблема кризиса национальных государств (nation-state) на Ближнем Востоке в последние годы оказалась в центре исследовательского внимания в России, на Западе и в самих странах региона. Хотя по поводу причин, характера и глубины этого кризиса сегодня существуют различные точки зрения, во многом зависящие от того, как именно тот или иной автор оценивает сложившуюся на предыдущем этапе модель ближневосточной государственности [Наумкин, 2014; Звягельская, 2017; Звягельская, Кузнецов, Морозов, 2017], само появление этого кризиса сомнению не подвергается. Следовательно становится необходимым укрепление государственности, что является элементом не только академического, но и политического дискурса, особенно российского.

Однако остается неясным, что на практике должно означать укрепление государственности. Идет ли речь об укреплении той модели государственного устройства, которая исторически сложилась в этом регионе, или о ее трансформации и приближении к некоему идеальному типу национального государства? Если о первом, то необходимо понять, каковы базисные черты ближневосточной государственности, отличающие ее от западных моделей (принимаемых по умолчанию за нормативные), и почему эти черты свидетельствуют о ее особости, но не могут считаться источником хрупкости. Если речь идет о втором варианте, то необходимо понять, должна ли трансформация модели стать итогом укрепления государственности или следовать за ним.

Кроме того, непонятно, существует ли в регионе одна универсальная модель государственности или их несколько и, соответственно, укрепление каждой из них должно осуществляться по-своему. Наконец, какие конкретные действия внешних игроков должны расцениваться как помощь в укреплении государственности, а какие — как помеха ей? Так, помощь, оказанная Москвой правительству Сирии во время внутреннего вооруженного конфликта, на официальном уровне в России расценивается как защита государственности от террористической угрозы. Однако оппоненты России склонны описывать ее как помощь конкретному политическому режиму. Отсюда следует вопрос — равнозначна ли поддержка действующего политического режима поддержке государственности. Если нет, то значит ли это, что укрепление некоторых политических режимов может означать ослабление государственности?

Или другой пример. Означает ли поддержка Ираном “Хезболлы”, Катаром — “Братьев-мусульман”, Саудовской Аравией — салафитских движений, вмешательство во внутренние дела других стран или же она означает помощь в развитии партийно-политических систем и институтов гражданского общества в тех случаях, когда указанные структуры имеют соответствующий юридический статус?

Наконец, третий пример. Как должна расцениваться поддержка, оказываемая в регионе западными правительственными и неправительственными организациями (НПО), в том числе борющимися за гендерное равенство, права меньшинств и т.п.? Существует ли принципиальная разница между этой практикой и упомянутыми выше практиками региональных игроков с точки зрения укрепления государственности?

Очевидно, что поиск ответов на эти вопросы должен идти параллельно с обсуждением возможных форматов внешней помощи, способов координации действий между внешними игроками, контроля над помощью и т.д. Ответить на них в рамках одной статьи, вероятно, нельзя, однако можно предложить некоторые подходы к ним. Сначала я рассмотрю специфику существующей модели государственности и попытаюсь осмыслить ее, выйдя за пределы регионального опыта. Затем рассмотрю конкретные региональные случаи.

#### БЛИЖНЕВОСТОЧНОЕ ГОСУДАРСТВО И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ

Та модель государственного устройства, которая сложилась на Ближнем Востоке в XX в., отличается специфическими чертами, которые могут быть выявлены посредством историко-генетического анализа. Наиболее существенные из них: незавершенность национального строительства; несоответствие социального уклада государственным институтам (в разных странах разное); нарастающая фрагментарность социумов и институциональные дисбалансы, при которых отдельные институты государственной власти (армия, бюрократия, отчасти институты, обеспечивающие социально-экономическую поддержку населения и развитие) на протяжении десятилетий оказывались значительно более развитыми, чем другие (политические партии, институты гражданского общества и др.). Еще одна особенность — дефицит легитимности государств. Почти все они воспринимаются как более или менее временные образования. Возникшие в определенный момент в результате деколонизации, однажды они могут быть разделены или объединены, их границы могут быть пересмотрены и т.д. [Кузнецов, Салем, 2016].

Выделение этих по-разному проявляющихся в отдельных странах черт, однако, не позволяет ответить на поставленные вопросы. Видимо, необходимо, с одной стороны, интегрировать их в более общую концептуальную схему, с другой — рассмотреть частные случаи ее реализации. Для этого могут оказаться полезными подходы, разработанные Дугласом Нортом и его соавторами в завоевавшей авторитет среди экономистов, но оставшейся мало востребованной востоковедами работе “Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества” [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 54].

В основе теории лежат два понятия — “рента” и “насилие”. Борьба за ренту служит ключевым фактором формирования всей системы общественных отношений, или социальных порядков. То, насколько эти социальные порядки позволяют ограничивать насилие, служит для авторов основным критерием их качества. Основных таких порядков два — ограниченный доступ к ренте (ПОД) и открытый, или свободный, доступ (ПСД). В условиях ПОД “естественное государство” выстраивается таким образом, что элитные группы, обеспечивая и гарантируя друг другу доступ к получению ренты и возможность ее распределения, ограничивают доступ к ней остальных групп населения. Личные отношения при этом составляют основу выстраивания социальных связей — через них формируются господствующие коалиции, состоящие из элитных групп, достоверные договоренности между которыми обеспечивают стабильность системы и позволяют избегать насилия.

Для ПОД характерны медленно растущие уязвимые экономики; политическая исключительность; малочисленность организаций; небольшие, но очень централизованные государственные аппараты; выстраивание социальных отношений посредством личных связей. Последнее предполагает наличие привилегий, неравенство граждан перед законом, незащищенность прав собственности и т.п. [там же].

В ходе длительного развития некоторых ПОД социальные отношения в них становятся относительно обезличенными и начинают регулироваться институтами<sup>1</sup>, а организации<sup>2</sup> получают свободный доступ к ренте. Так возникают порядки открытого, или свободного, доступа (ПСД). ПСД отличаются устойчивостью экономик, сильным гражданским обществом с большим числом организаций, крупными децентрализованными правительствами, доминированием безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость, равенство и т.д. [там же].

Переход ПОД в ПСД никак не детерминирован, однако ПСД в логике авторов представляют собой не только более сложные, но и более эффективные системы, нежели ПОД. Последние подразделяются на три типа: хрупкие, базисные и зрелые. В хрупких ПОД гарантии зависят от “личности членов коалиции ... незначительные изменения в положении участников... могут вывести коалицию из равновесия... привести к насилию и созданию новой коалиции...” [там же, с. 100]. Они отличаются простотой институтов и правовых систем, доминированием патронажно-клиентельных отношений в организациях, подчиненностью экономики политике.

Переход к базисным ПОД связан с “возрастающей способностью структурировать долговременные соглашения во внутренней организации государства. Институты... состоят в основном из институтов публичного права...” [там же, с. 102]. Их существование позволяет решать однотипные периодически повторяющиеся проблемы (транзит власти, определение налогов и т.п.), увеличивает набор общих для всей элиты убеждений, что расширяет диапазон достоверных обязательств, которые может поддерживать господствующая коалиция. Наконец, они обеспечивают элиты организационными формами. Базисные ПОД могут формировать довольно плотную сеть государственных организаций, что позволяет обеспечить их устойчивость.

“Зрелое естественное государство характеризуется устойчивыми внутренними институциональными структурами и способностью поддерживать организации элит вне непосредственных рамок государства... В пределе зрелое естественное государство способно создавать и удерживать бессрочно существующие организации” [там же, с. 106].

ПОД оказывается готовой перейти в ПСД в случае, если в нем вызревают “пороговые условия”, обеспечивающие, с одной стороны, безличную основу социальных отношений, с другой — заинтересованность элит в свободном доступе к ренте. Этих условий всего три: верховенство права для элит; бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах<sup>3</sup>; консолидированный контроль над агентами насилия. При переходе изменение институтов, организаций и поведения должны соответствовать интересам членов господствующей коалиции, а сам переход должен проходить “через ряд усиливающихся изменений институтов, организаций и индивидуального поведения — так, чтобы

<sup>1</sup> «Институты — это “правила игры”..., структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов. Институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные оглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 60].

<sup>2</sup> “Организации состоят из определенных групп индивидов, преследующих сочетание общих и индивидуальных целей при помощи частичной координации поведения. Организации координируют действия своих членов, и потому действия организации являются чем-то большим, чем просто сумма действий индивидов. Поскольку они преследуют общую цель в организации и поскольку организации обычно состоят из индивидов, которые неоднократно имеют дело друг с другом, у членов большинства организаций развиваются общие убеждения о поведении других членов и о нормах или правилах их организации. В результате большинство организаций имеют свою собственную институциональную структуру: правила, нормы и общие убеждения, определяющие способ поведения людей внутри организации” [там же].

<sup>3</sup> Авторы подчеркивают разницу между устойчивыми и бессрочными организациями. Для создания устойчивой организации достаточно, чтобы ее существование не зависело от конкретной личности или группы людей. Для существования бессрочной необходима убежденность в этой бессрочности.

постепенное увеличение доступа поддерживалось существующими политическими и экономическими системами на каждом этапе пути” [там же, с. 256–266].

При всей оригинальности теории Д. Норта, она уязвима в некоторых как методологических, так и сугубо практических аспектах. Прежде всего, расплывчатость в определении ПОД и ПСД превращает их в синонимы “плохих” и “хороших” с либерально-демократической точки зрения государств. Возможно, даже вопреки желанию авторов все их рассуждения с самого начала направлены на то, чтобы объяснить, почему не во всех странах живет так же хорошо, как в США или в Западной Европе. В конечном счете, идеология здесь предшествует анализу и предопределяет его.

Выделение фактора насилия как основного мерила эффективности социальных порядков, без сомнения, оригинально. Проблема в том, что политические философы и политологи, хотя и посвятившие за последнюю сотню лет миллионы страниц рассуждений о насилии, так и не смогли определить, что это такое [Капустин, 2003]. Частотность убийств или социальных протестов в том или ином обществе – показатели явно недостаточные. Понятно, что социальных протестов в демократических странах (=ПСД) происходит больше, чем в недемократических, однако и число убийств в “естественных государствах” вовсе не обязательно больше, чем в ПСД<sup>4</sup>. Возможно, имеет смысл рассматривать только применение физического насилия для сохранения или пересмотра политического баланса сил, однако авторы говорят не только об этом – по всей видимости, в их представлении насилие вообще порождается исключительно борьбой за ресурсы.

В методологическом отношении не вполне прояснен Д. Нортом вопрос о детерминированности исторического развития. Пусть переход от ПОД к ПСД никак не предопределен, однако общая логика рассуждений, сопоставление текущего исторического периода с неолитической революцией указывают все же на его приверженность линейному видению истории и идее прогресса.

Наконец, в чисто практическом отношении вызывают вопросы как справедливость разделения всех мировых порядков в истории человечества на ПОД и ПСД, так и классификация первых. К ПОД относятся все общественные порядки от древнеегипетского до современного российского, к ПСД – около трех десятков современных государств с ВВП выше 20 тыс. долл. США на душу населения, не считая государств-рантье. При этом все ПСД появились не ранее 150–200 лет назад. Незначительность места ПСД в мировой истории позволяет, таким образом, рассматривать их как явление совершенно случайное.

Одновременно с этим отнесение всей основной массы когда-либо существовавших государств к ПОД наводит на мысль, что распределения их всего на три группы должно быть недостаточно. Впрочем, как осуществлять на практике это деление, совершенно непонятно: данные, необходимые в соответствии с предлагаемыми авторами критериями, не только зачастую малодоступны, но и плохо верифицируются, а отсутствие количественных параметров классификации ПОД оставляет колоссальное пространство для произвольного использования предложенной схемы.

Все эти “слабые места” теории Д. Норта, конечно, необходимо иметь в виду. Однако они вовсе не снижают ее методологической ценности. Базовый ее принцип, предполагающий увязывание структуры социально-политических отношений с доступом к ренте, предполагает, что вопрос происхождения и формирования ренты играет ключевую роль для анализа конкретной политической системы и в каждом случае должен рассматриваться отдельно. На практике сделать это довольно сложно, особенно в слабых государствах, значительная часть экономик которых находится в теневом секторе. До сих пор отсутствуют эффективные инструменты оценки масштабов теневых экономик, а об

<sup>4</sup> По данным ООН, в 2014 г. США находились в середине рейтинга стран по количеству преднамеренных убийств на 100 тыс. человек (14 164) с коэффициентом 4.43, в то время как КНР имела коэффициент 0.74 (10 083). Большинство государств Ближнего Востока и Северной Африки имели лучшие показатели, чем США [Homicide counts...].

их структуре можно судить лишь исходя из конкретного (и неизбежно ограниченного) опыта.

Часть отмеченных слабостей теории может быть нивелирована при допущении, что под ПОД и ПСД подразумеваются не конкретные системы, а идеальные модели, придуманные авторами на базе представлений об общем благе. Эти модели могут служить ориентирами общественного развития, указывающими на направленность необходимых изменений. Идеальные ПСД должны быть одновременно и справедливее, и свободнее ПОД. Активная роль граждан в ПСД предполагает, что они сами могут определять содержание свободы и справедливости, что придает этой модели идеологическую автономность. Вместе с тем ПСД должны быть стабильнее, безопаснее и динамичнее ПОД.

Предлагаемый перенос акцентов с привычного ближневосточникам анализа конкретных социально-политических процессов на анализ институционального развития позволяет не только наполнить конкретным содержанием ставшие в последние годы модными рассуждения о необходимости укрепления институтов в арабских странах, но и поставить вопрос о последовательности решения ключевых проблем региона. Между тем предложенная теория дает возможность выйти за пределы осмысления отдельных эмпирических проблем и расширить диапазон возможных решений.

#### ГОСУДАРСТВА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА КАК ПОРЯДКИ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА

То, что все государства Ближнего Востока, за исключением, возможно, Израиля, далеки от ПСД, вполне очевидно. Более того, легко заметить, что упомянутые ранее характеристики ближневосточной модели государственности каким-то образом соотносятся с основными чертами ПОД. Выявление тех и других в рамках совершенно разных методологических парадигм затрудняет определение логических связей между ними. В одних случаях ближневосточные реалии конкретизируют элементы ПОД, в других могут быть выведены из них как следствие, в третьих речь вообще идет об одном и том же.

Ограничение доступа к ренте и господство личных связей в выстраивании социальных взаимоотношений соотносятся с фрагментарностью обществ; становясь причиной отчуждения общества от государства, они ведут к дефициту легитимности последнего. Отказ от выстраивания политического устройства на основе общего согласия граждан соотносится с незавершенностью национального строительства и также порождает дефицит легитимности государств.

Неразвитость организаций и сверхцентрализация власти при небольших размерах правительств, в свою очередь, почти тождественны проблемам институциональных дисбалансов и диахронии социального и институционального развития. Описание государств региона как “естественных”, равно как и выявление общих особенностей ближневосточной модели не должны вводить в заблуждение, создавая впечатление, будто все страны региона испытывают одни и те же трудности развития. Если отойти от предлагаемых Д. Нормом жестких рамок категоризации ПОД, три выделенных им типа можно рассматривать как описания разных стадий развития социальных систем. Соотнесение их с конкретными странами региона при этом оказывается затруднено, правда, не отсутствием жестких критериев (можно удовлетвориться и относительными), а непрозрачностью систем в нормальных обстоятельствах.

Так, общепринятая сегодня идея о том, что успех политической трансформации Туниса был предопределен высоким уровнем развития институтов, а провал Ливии — их отсутствием, могла быть высказана только после 2011 г., однако до того отсутствие институтов в одной стране и их наличие в другой вовсе не были очевидны. Формально деятельность народных комитетов и конгрессов пронизывала все ливийское общество, порождая непрерывный поток регулятивных документов. В свою очередь в Тунисе около четверти населения страны принадлежали к правящей партии, а единая профсоюзная организация в основном играла роль послушного исполнителя решений президента Зина аль-Абидина Бен Али и его окружения (1987–2011). Внешние признаки персонификации власти

в двух странах при этом были если не идентичны, то близки друг к другу. В результате ни уровень институционализации социума, ни развитость организаций, ни степень обезличивания общественных отношений не могли быть сопоставлены иначе, чем на основе субъективных ощущений наблюдателя и его понимания исторического опыта двух стран.

Если исторические пути, пройденные Тунисом и Ливией, кардинально различны, то о парах “Тунис—Египет” или “Египет—Сирия” такого сказать нельзя, а сопоставление соответствующих ПОД в дореволюционный период представляется тут вообще мало реализуемым. Чтобы делать выводы о сегодняшнем характере ПОД Египта, приходится постоянно возвращаться к событиям 2011–2013 гг., когда страна претерпевала наиболее острые изменения, с осторожностью используя актуальные данные.

Пожалуй, можно утверждать, что только поведение общества, политических элит и организаций в процессе трансформации позволяет судить о характере ПОД с некоторой долей уверенности. Анализ естественных государств затрудняется и еще одним важным обстоятельством — разными скоростями изменения ПОД и обществ, которые они оформляют. Демографический рост, изменение социальной структуры и т.д. происходят в тени функционирующей системы, которая постепенно все меньше отвечает заданным условиям, в результате чего изначально базисные или даже зрелые ПОД могут, по всей видимости, стать хрупкими.

Другая проблема состоит в том, что оценка ПОД в процессе трансформации может оказаться мало полезной для решения проблем, с которыми сталкивается общество после ее завершения, особенно если трансформация протекает в форме вооруженного конфликта. Имеющий в регионе опыт показывает не только то, что ни одно общество не возвращается к доконфликтной конфигурации системы, но и то, что нельзя однозначно сказать, является ли конфликт фактором архаизации или модернизации системы, ведет ли его урегулирование к ее усложнению или примитивизации. В тех случаях, когда конфликт был действительно завершен (Алжир, Ливан), социально-политическая система усложнялась, а правящая коалиция расширялась. Одновременно урегулирование вело к включению в господствующую коалицию новых групп влияния, разделяющих иные убеждения, нежели старая элита. Результатом в обоих случаях стала общая архаизация социально-политического пространства, предполагающая сохранение личностной основы социальных взаимоотношений. Вместе с тем сохранение государственности в ситуации конфликта было поставлено под сомнение<sup>5</sup>, что сделало невозможным формирование доверенных обязательств элитных групп. Это, в свою очередь, сделало физическое насилие необходимым фактором сохранения и развития системы<sup>6</sup>.

Все эти проблемы и ограничения, пусть и заставляют с осторожностью применять теорию социальных порядков к конкретному материалу, все же не отменяют ее возможной эффективности. Распределить страны региона по трем типам ПОД, как было сказано, вряд ли возможно. Однако можно выделить два полюса — самые хрупкие и самые зрелые естественные государства. Затем можно определить, в чем должно заключаться укрепление государственности в тех и иных случаях.

#### ХРУПКИЕ ПОД И ОТСУТСТВУЮЩИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ

Список наиболее хрупких ПОД очевиден — это Сирия, Ливия, Йемен — страны, на территории которых продолжаются вооруженные конфликты. Во всех этих случаях разрушение институтов и/или неспособность правительств обеспечить их функционирование

<sup>5</sup> В случае с Ливаном это более очевидно из-за сирийского и израильского военного присутствия, однако и в случае с Алжиром ситуация могла развиваться по-разному — от создания радикального исламского государства, отвергающего алжирскую идентичность в пользу общемусульманской, до сецессии горной Кабилии, территория которой не контролировалась центральной властью уже в начале 2000-х гг.

<sup>6</sup> В Ливане речь идет о наличии у различных политических деятелей инструментов вооруженного насилия (боевые подразделения у “Хезболлы” и т.п.), в случае с Алжиром — о постоянном воспроизведении в политическом дискурсе темы террористической угрозы.

на большей части территории в 2010-е гг. поставили под сомнение само существование государств.

В терминах теории социальных порядков каждый раз речь должна идти либо об откате от порядка ограниченного доступа к примитивному, либо и вовсе о его разрушении. Таким образом, укрепление государственности здесь равнозначно формированию относительно устойчивых господствующих коалиций, способных контролировать ренту, с одной стороны, и насилие, с другой. Но самое главное — укрепление государственности должно означать изменение источников ренты. Несмотря на то, что в спокойные времена три страны чрезвычайно сильно отличались друг от друга в этом отношении, вооруженные конфликты во многом их сблизили.

Хотя в Сирии и Ливии произошло известное сокращение ренты, основные ее источники остались прежними. Так, Дамаск сумел сохранить (или восстановить к концу 2017 г.) контроль над ключевыми секторами экономики (газо- и нефтедобыча, производство электроэнергии, промышленность и сельское хозяйство) в наиболее экономически развитых районах страны [Gobat, Kostial, 2016]. Вместе с тем на части территорий контроль над рентой отошел к местным советам, часто неподконтрольным центральному правительству.

В Ливии с ее изначально мало диверсифицированной экономикой, географической раздробленностью и быстрой политической фрагментацией ситуация складывалась иначе. Сначала власти на востоке страны, установившие контроль над основными районами нефтедобычи, и на западе, контролировавшие деятельность Центрального банка, были вынуждены сотрудничать, осуществляя таким образом совместный контроль над рентой. Но в условиях институциональной слабости, взаимного недоверия и ожесточенной конкуренции речь могла идти лишь об ограниченном и временном взаимодействии. При этом каждая из сторон, кем бы она ни была представлена, стремилась избавиться от партнера. Организации, непосредственно контролировавшие ренту, — ЦБ, “National Oil Company” и изначально правительственная компания по охране нефтяных объектов постепенно превращались в полусамостоятельных политических игроков. В результате к 2016–2017 гг. значительная часть нефти реализовывалась властями Киренаики на черном рынке, а власти Триполитании ограничивали поставки наличности в восточные районы<sup>7</sup>, что вынудило руководство Киренаики создать альтернативный эмиссионный центр при помощи Москвы.

В случае с Йеменом экономическая система в результате конфликта изменилась кардинальным образом. Если и до начала “Арабского пробуждения” страна зависела от импорта продовольствия, то вызванная конфликтом и изначальноной слабостью инфраструктуры гуманитарная катастрофа привела к тому, что основными источниками ренты стали вода и продукты питания. Так, в 2017 г. в северных районах техническая вода продавалась по 10–12 долл. США за 400 литров, питьевая — по 8 долл. США за 20 литров, однако при этом лидеры контролировавших страну хуситов могли позволить себе не только нормальное питание, но и дорогие автомобили и прочие предметы роскоши<sup>8</sup>.

Формирование “экономики войны”, при которой основными источниками доходов становятся торговля предметами первой необходимости и обеспечение безопасности, хотя и нашло яркое проявление в Йемене [Salisbury, 2017; Young, 2017], имело место и в других странах.

В политическом отношении проблема состоит в появлении на локальном уровне совершенно новых политических игроков, как правило, довольно плохо организованных, выживание которых связано исключительно с сохранением конфликтности. Любой

<sup>7</sup>Интервью автора с представителями руководства Ливийской национальной армии (сентябрь 2017 г.), с представителями Правительства национального согласия (октябрь 2017 г.).

<sup>8</sup>Интервью автора с представителем Всеобщего национального конгресса Ливии. Август 2017 г.

сценарий урегулирования конфликтов предполагает либо их физическое уничтожение (или вытеснение за пределы страны), либо встраивание в новую систему.

Три рассматриваемых случая различаются между собой в том, что касается возможных принципов формирования коалиции, ее институционально-организационной основы, ее элементов и роли внешних игроков в ее выстраивании.

Сохранение дееспособного правительства в Сирии и относительно четкое оформление противостоящих ему групп при их многочисленности и значительной внешней поддержке ставят вопрос о расширении господствующей коалиции и о возникновении обязательств между составляющими ее группами. Это, в свою очередь, означает невозможность укрепления ПОД без урегулирования конфликта на основе компромисса и включения в господствующую коалицию основных оппозиционных сил при одновременной политической трансформации. Иными словами, речь идет о реализации Женевского процесса: создании коалиционного правительства, принятии конституции, организации выборов, принятии мер обеспечения безопасности и т.д.

В случае его успешного завершения процесс формирования нового социального порядка может оказаться и стабильнее, и совершеннее прежнего, в перспективе быстро трансформировавшись из базового в зрелый ПОД. Для подобного сценария, однако, необходимо избежать трех ключевых опасностей.

Первая связана со стремлением одной из сторон монополизировать процесс, сведя возможный компромисс к простой формальности. При подобном развитии событий политическая элита не сможет чувствовать себя в безопасности и, следовательно, будет, с одной стороны, препятствовать расширению доступа к ренте, с другой — подтверждать свое право на этот доступ периодическим обращением к насилию.

Вторая опасность состоит в возможной неспособности переговаривающихся сторон и международных посредников обеспечить участников новой коалиции действенными гарантиями, которые бы укрепляли стабильность системы.

Наконец, третья опасность заключается в персонификации процесса, сводящей любые договоренности к личным обязательствам и предполагающей их пересмотр после смены лидеров.

Если с Сирией все обстоит непросто, то с Ливией — еще сложнее. Чрезвычайно низкая степень институционализации политического процесса в этой стране, отсутствие опыта строительства политических организаций в совокупности с милитаризацией общества затрудняют формирование стабильных политических игроков. Вместе с тем, ускоренная урбанизация и быстрый рост населения в период правления М. Каддафи привели к частичному разложению племенной структуры, которая сегодня оказывается неспособной стать основой для выстраивания социального порядка. В результате, если в случае с Сирией вопрос о ПОД — это вопрос о военно-политическом компромиссе, то в случае с Ливией — это вопрос о формировании базовых социально-политических структур. Эта задача, по всей видимости, может быть решена в три этапа. Первый предполагает обращение к реально функционирующим социально-политическим структурам базового уровня — местным советам и муниципалитетам в городах, советам племен и т.п. Второй — достижение устойчивых договоренностей между ними и вооруженными формированиями. Третий — политическое оформление сложившихся коалиций. Первый и второй этапы видятся здесь наиболее сложными, а участие в них внешних посредников может носить лишь ограниченный характер.

Наконец, в случае с Йеменом прямое военное присутствие в стране Саудовской Аравии и ОАЭ лишает разговор об укреплении в нем государственности какого бы то ни было смысла.

Деструктивные процессы в Сирии, Ливии и Йемене оказывают негативное воздействие и на социальные порядки в других государствах региона. Напомню, что важнейшим критерием определения зрелых ПОД для Д. Норта является их способность формировать бессрочные организации, главная из которых — само государство. В самом деле,

только уверенность в вечности государства позволяет участникам политического процесса “играть в долгую”: стремиться заключать долгосрочные союзы, сопровождаемые бессрочными гарантиями, быть готовыми к долгосрочному инвестированию, соглашаться на временное снижение ренты в случае необходимости и т.д.

Проблема в том, что в 2010-е гг. эта уверенность в регионе была совершенно утрачена. Конечно, не раз упоминавшийся дефицит легитимности государств существовал здесь и ранее, однако лишь с 2011 г. тема возможного изменения границ стала постоянным рефреном любых разговоров о будущем Ближнего Востока и Северной Африки. Наиболее часто в связи с этим упоминаются Ирак, Ливан и — в последние два года — Саудовская Аравия. Во всех трех случаях любому разговору об укреплении социального порядка должны предшествовать гарантии сохранения существующей государственности, достижение которых относительно Ирака кажется сомнительным.

Однако есть страны, возможность развала которых обсуждается значительно реже, чем остальных. В Северной Африке это Египет, географические особенности которого обеспечивают незыблемость государственности в последние несколько тысяч лет; Тунис, Алжир и Марокко; в Машрике — Иордания, ОАЭ, Оман. Впрочем, существующая или потенциальная турбулентность вокруг этих стран (в Машрике), деятельность террористических группировок на их территории (в Тунисе и Египте), угрозы роста этнического сепаратизма (в Марокко и Алжире) и трайбализма в случае утраты общей стабильности подрывают уверенность в завтрашнем дне и делают формирование зрелых ПОД в сущности невозможным.

Речь, таким образом, может идти лишь о базисных ПОД той или иной степени развитости. Из упомянутых к ним относятся все, за исключением, вероятно ОАЭ и Омана: получаемые от торговли углеводородами супердоходы с лихвой компенсируют любые слабости институционального развития. Для описания ПОД Туниса, Алжира, Марокко, Египта и Иордании в логике теории социальных порядков необходимо принимать во внимание несколько ключевых параметров: способ формирования ренты, развитость организаций, правовых институтов, способность систем отвечать на стандартные вызовы, методы осуществления контроля над агентами легитимного насилия.

#### РЕНТА

Логика построения естественного государства предполагает, что элиты стремятся максимально контролировать ренту, ограничивая доступ к ней других групп населения. Если в хрупких ПОД слабость институционально-организационной структуры не позволяет господствующим коалициям монополизировать источники ренты, оставляя пространство для возникновения альтернативных центров силы, то в базисных хорошо консолидированные элиты устанавливают над ней максимальный контроль, обеспечивая его с помощью развитой сети организаций. Наконец, в зрелых ПОД расширение этой сети ведет к тому, что доступ к ней постепенно получают и неэлитные группы.

Таким образом, с точки зрения формирования ренты все рассматриваемые страны могут быть отнесены к хрупким или базисным ПОД, хотя определить какую-либо их иерархию тут вряд ли возможно.

Во всех пяти случаях, за исключением отчасти зависящего от экспорта углеводородов Алжира, речь идет об экономиках, значительная часть которых находится в теневом секторе (хотя в долгосрочной перспективе ее доля и снижается [Chen, Harvey, 2017]). Однако структура теневых экономик варьируется по странам. Так, в Египте речь идет прежде всего о сельском хозяйстве, в котором до сих пор занято до трети экономически активного населения, текстильной, бумажной и других отраслях промышленности [Hassan, Schneider, 2016], а также, вероятно, о мелкой торговле и строительстве. В Иордании, где в неформальном секторе занято до половины работающего населения, — это торговля, строительство, транспорт и др. [Alkhdour, 2011]. В этих двух странах объем теневой экономики ниже, чем в других, и колеблется вокруг 20%.

В Тунисе и Марокко он значительно выше. В Тунисе важную роль играет контрабандная торговля в южных и западных регионах страны, участие в которой в некоторых районах в 2010-е гг. стало основным видом деятельности населения. В Марокко широких масштабов достигло производство конопли.

Контроль над рентой, получаемой в неформальном секторе, может иногда определять политическую ситуацию на локальном уровне — в отдельных регионах, деревнях, пригородах больших городов. Однако эта рента редко становится настолько велика, чтобы превратиться в источник формирования альтернативных центров силы, гораздо чаще она лишь позволяет снижать социальную нагрузку с элит. Исключениями можно считать такие структуры, как ливанская “Хезболла” или египетские “Братья-мусульмане” при Хосни Мубараке. Впрочем, в обоих случаях имело место частичное внешнее финансирование. Вместе с тем в Тунисе в последние годы на фоне затяжного экономического кризиса наметилась некоторая консолидация неформального сектора вокруг крупных контрабандных сетей. Обратный пример дает Марокко, где масштабное производство наркотиков было бы невозможно без частичного участия “махзена” — своего рода местных органов власти.

Деятельность “мазхена” — не формализованного, но реального экономического игрока, относительно низкие объемы теневой экономики в Египте и Иордании позволяют считать, что в этих трех странах господствующая коалиция контролирует ренту эффективнее, чем в Тунисе. В Иордании, впрочем, степень контроля в последние годы должна была снизиться в результате притока сирийских беженцев.

Характерно, что во всех трех странах консолидированный контроль над рентой получает институциональное оформление — либо через традиционные механизмы монархической власти, как в Марокко и Иордании, либо через прописанный в конституции особый статус вооруженных сил, как в Египте. В обоих случаях тем самым создаются инструменты ограничения доступа к ренте для групп, не входящих в господствующую коалицию. В Тунисе и Алжире, однако, дело обстоит иначе — господствующие коалиции здесь институционализированы в меньшей степени.

Армия, которая всегда играла ключевую роль в алжирской экономике и политике, сумела сохранить монопольный контроль над рентой в 1990-е гг., а развернувшееся тогда по всей стране террористическое безумие надолго охладило желающих оспорить у нее это право. При этом, несмотря на всю закрытость алжирской политической системы, представляется, что в 2010-е гг. в элите страны все же произошли довольно серьезные изменения. Сформировавшийся уже в XXI в. крупный бизнес, хотя он и связан с высшей бюрократией и не готов открыть доступ к ренте, все же чувствует некоторую усталость от вездесущей опеки военных.

В Тунисе события 2011 г. привели к переформатированию господствующей коалиции, заставив старые элиты страны поделиться не только властью, но и доступом к экономическим ресурсам с элитами новыми, представленными не только исламистской “ан-Нахдой”, но и различными светскими активистами, далеко не всегда входящими в политические организации.

Таким образом, пять рассматриваемых случаев демонстрируют совершенно разные системы формирования господствующих коалиций и их контроля над рентой. Высокая степень консолидации контроля над рентой позволяет считать наиболее развитыми из рассматриваемых ПОД Египет, Марокко, Иорданию и Алжир. В первых трех странах консолидация достигается, однако, посредством институциональных ограничений для других групп, без отмены которых развитие социального порядка будет ограничено. Отмена требует, по сути, коренного изменения политических систем. В Алжире такое развитие может быть достигнуто в результате изменения баланса сил внутри правящей коалиции. В свою очередь в более хрупком Тунисе сохраняется возможность формирования альтернативных центров силы.

Для понимания того, каким образом в рассматриваемых ПОД элитные группы выстраивают свои отношения с обществом и, соответственно, насколько они готовы к изменениям, необходимо обратиться к вопросу об организациях.

#### ОРГАНИЗАЦИИ

В таблице 1 представлены данные о количестве неправительственных организаций по отношению к численности населения:

Т а б л и ц а 1

*Количество НПО в наиболее зрелых ПОД*

|                                   | Марокко                                         | Алжир                                 | Тунис                                             | Египет                  | Иордания                                |
|-----------------------------------|-------------------------------------------------|---------------------------------------|---------------------------------------------------|-------------------------|-----------------------------------------|
| Количество НПО                    | Более 130 тыс.<br>[Le Maroc<br>compte..., 2016] | Более<br>108 тыс.<br>[МВД<br>АНДР...] | Более 20 тыс.<br>[Tableau<br>General...,<br>2017] | Более 46 тыс.<br>[Afef] | Более 5 тыс.<br>[OECD, 2017,<br>р. 156] |
| Население<br>НПО/100 тыс.<br>чел. | 35.5 млн<br>371.4                               | 41 млн<br>263.4                       | 11.5 млн<br>173.9                                 | 94.8 млн<br>48.5        | 9.5 млн<br>53.7                         |

Для сравнения: во Франции существуют 1943 ассоциации на 100 тыс. человек [Bazin, Malet, 2016].

Я ограничусь рассмотрением только одного специфического типа организаций — НПО, или ассоциаций (*джама'ийат ахалийя*), однако и по ним можно сделать существенные выводы. Самый высокий количественный рост организаций в последние годы показывают Марокко и Тунис: в первом в 2011 г. насчитывалось всего 145 НПО на 100 тыс. человек [Enquête Nationale..., 2007], во втором с 2010 г. число НПО выросло более чем в два раза [Tunisie..., 2016]. В то же время в Иордании в 2009 г. и в Египте в 2008 г. действовали всего по 37 НПО на 100 тыс. человек [Jarrah, 2009, p. 5; Hassan H.A., 2011, p. 7], в Алжире в 2011 г. — 244 [Plus de 89.000..., 2011].

Как разные темпы роста числа организаций, так и количественные дисбалансы между странами указывают на специфику ПОД. Во всех случаях расширение сети гражданских организаций было одним из ответов на вызовы “Арабской весны”. Исключение составляет Алжир, где то же самое произошло десятью годами ранее, после окончания гражданского противостояния 1990-х гг. При этом больший охват населения НПО в странах Магриба может объясняться как спецификой обществ и политических систем, так и стимулированием развития гражданского общества со стороны ЕС. При этом если в Марокко НПО зачастую используются “махзеном”, от которого основная их часть и получает средства, то в Тунисе они значительно более независимы: половина из них существует благодаря негосударственному финансированию, зачастую внешнему. До определенной степени работа в НПО стала для местного населения способом решения экономических проблем.

Значительно меньшее число организаций в Иордании и в Египте свидетельствует о том, что господствующая коалиция выбрала принципиально иной способ ответа на новые вызовы. Это подтверждается и ужесточением законов об НПО, происходящим в последние годы в обеих странах. Но если в Иордании подобная стратегия связана, по всей видимости, с ростом внешних угроз, то в Египте — с угрозами внутренними. В обоих случаях выбранные стратегии в перспективе ведут к повышению хрупкости ПОД.

Что касается Магриба, то зависимость гражданских организаций Алжира и Марокко от государственной власти не должна рассматриваться лишь как средство манипулирования гражданским обществом со стороны правящей элиты. Само вовлечение населения

в деятельность организаций может стать основой для последующего развития гражданских структур. С учетом специфики формирования правящей коалиции это особенно относится к Алжиру.

В то же время зависимость тунисских НПО от иностранного финансирования таит в себе неожиданные угрозы. Внешние доноры поддерживают те проекты, которые кажутся им актуальными, что ведет к переносу европейской повестки на тунисскую почву, и это потенциально также может стать фактором хрупкости.

Несмотря на то, что и государственное, и внешнее финансирование НПО может вести к нежелательным результатам, оно все же не может рассматриваться как очевидный источник потенциального ослабления ПОД. Таким образом, сравнение деятельности НПО позволяет обозначить следующую шкалу ПОД: Марокко/Тунис, Алжир, Иордания/Египет.

#### ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ

Для дальнейшего анализа следует обратиться к базе данных Institutional Profiles Database (IPD), составляемой Французским агентством по развитию, Генеральной дирекцией казначейства Франции и Центром прогностических исследований и международной информации (CEPII) на основе массового анкетирования экспертов. Методологически IPD строится на подходах Д. Норта и содержит в себе индексы развития 144 стран по 127 основным индикаторам, раскладывающимся на 320 элементов. В рамках настоящей статьи, однако, достаточно будет обратиться всего к четырем индикаторам. Первый из них – деятельность организаций – позволит дополнить выводы по организациям, сделанные на основе анализа активности НПО. Остальные три – коррупция, независимость судебной власти, защита прав собственности – могут быть полезны для оценки развитости правовых систем.

Необходимо учитывать, что, подобно всем политологическим индексам, приписывающим количественные показатели принципиально не измеряемым элементам

Т а б л и ц а 2

*Уровень развития ряда институтов в наиболее зрелых ПОД<sup>9</sup>*

| Индикаторы                                                                                                            | Алжир | Марокко | Тунис | Египет | Иордания |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------|---------|-------|--------|----------|
| <b>Деятельность организаций</b>                                                                                       |       |         |       |        |          |
| 2016 г. и 2012 г.: 0 – невозможность создания организаций; 4 – полная свобода создания и функционирования организаций |       |         |       |        |          |
| <i>Данные 2012 г. везде в скобках.</i>                                                                                |       |         |       |        |          |
| A3090 Свобода создания и функционирования политических партий                                                         | 2 (1) | 1 (4)   | 3 (3) | 1 (3)  | 2 (1)    |
| A3091 Свобода создания и функционирования предприятий                                                                 | 2 (1) | 2 (3)   | 3 (3) | 2 (3)  | 2 (2)    |
| A3092 Свобода создания и функционирования профессиональных организаций                                                | 2 (1) | 2 (2)   | 3 (3) | 1 (2)  | 1 (1)    |
| A3093 Свобода создания и функционирования религиозных организаций                                                     | 2 (1) | 1 (1)   | 3 (1) | 1 (1)  | 3 (1)    |
| A3094 Свобода создания и функционирования образовательных, спортивных, культурных организаций                         | 2 (1) | 3 (3)   | 4 (3) | 2 (3)  | 2 (2)    |

<sup>9</sup> Составлено по: [Institutional Profil Database (IPD)].

Т а б л и ц а 2 (окончание)

| Индикаторы                                                                                                                                                                                                                                | Алжир | Марокко | Тунис | Египет | Иордания |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-------|---------|-------|--------|----------|
| <b>Коррупция</b>                                                                                                                                                                                                                          |       |         |       |        |          |
| 2016 г.: 0 – сильная коррупция; 4 – очень слабая коррупция; 2012 г.: 0 – слабая коррупция; 4 – очень сильная коррупция.                                                                                                                   |       |         |       |        |          |
| A3020 Мелкая коррупция                                                                                                                                                                                                                    | 1 (3) | 1 (3)   | 0 (3) | 0 (4)  | 3 (3)    |
| A3021 Политическая коррупция                                                                                                                                                                                                              | 0 (3) | 1 (2)   | 1 (2) | 1 (3)  | 1 (3)    |
| A3022 Коррупционные отношения между государственной властью и местными предприятиями                                                                                                                                                      | 0 (3) | 1 (3)   | 1 (3) | 0 (3)  | 1 (3)    |
| A3023 Коррупционные отношения между государственной властью и иностранными предприятиями                                                                                                                                                  | 0 (3) | 1 (1)   | 1 (2) | 2 (3)  | 2 (3)    |
| <b>Независимость судебной власти</b>                                                                                                                                                                                                      |       |         |       |        |          |
| 2016 г. и 2012 г. 0 – слабая независимость судебной власти; 4 – независимая судебная власть                                                                                                                                               |       |         |       |        |          |
| A3050 Независимость правосудия                                                                                                                                                                                                            | 1 (1) | 2 (0)   | 3 (1) | 3 (2)  | 1 (2)    |
| A3051 Исполняемость судебных решений                                                                                                                                                                                                      | 3 (3) | 1 (1)   | 2 (2) | 2 (3)  | 3 (3)    |
| A3052 Скорость принятия судебных решений                                                                                                                                                                                                  | 1 (3) | 2 (2)   | 2 (1) | 0 (1)  | 3 (1)    |
| A3053 Равенство граждан перед законом                                                                                                                                                                                                     | 1 (1) | 2 (2)   | 2 (1) | 1 (2)  | 3 (2)    |
| A3054 Равенство перед законом иностранных акторов                                                                                                                                                                                         | 2 (0) | 3 (3)   | 2 (3) | 2 (2)  | 1 (3)    |
| <b>Защита прав собственности</b>                                                                                                                                                                                                          |       |         |       |        |          |
| В 2016 г. и 2012 г.: 0 – неэффективность юридических средств, отсутствие давления, отсутствие компенсаций; 4 – эффективность юридических средств, высокое давление, компенсации в соответствии с размером ущерба, 99 – нет экспроприаций. |       |         |       |        |          |
| A6000 Юридические средства защиты прав собственности                                                                                                                                                                                      | 3 (3) | 2 (3)   | 3 (3) | 2 (1)  | 3 (3)    |
| A6001 Необоснованное давление на частную собственность                                                                                                                                                                                    | 4 (2) | 1 (2)   | 2 (2) | 4 (2)  | 3 (2)    |
| A6002 Компенсации при экспроприации земельной собственности                                                                                                                                                                               | 1 (2) | 3 (2)   | 2 (2) | 1 (2)  | 2 (99)   |
| A6003 Компенсации при экспроприации средств производства                                                                                                                                                                                  | 1 (2) | 3 (2)   | 2 (1) | 1 (2)  | 2 (99)   |

социальной жизни, IPD очень несовершенен: обращение к мнениям экспертов ведет к тому, что база данных отражает скорее представления об институтах, чем их реальное состояние. Особенно это сказывается на показателях закрытых или полузакрытых стран (Алжир), неизменно выглядящих в подобных рейтингах хуже своих более открытых соседей.

Тем не менее кое-какие выводы по IPD можно сделать. Индексы развития организаций в целом подтверждают выводы, сделанные по НПО. Только в случае с Марокко ситуация выглядит хуже за счет резкого снижения свободы регистрации и функционирования политических партий. Верность этого показателя для 2016 г., впрочем, вызывает сомнения. При всей манипулятивности партийной системы в королевстве и даже с учетом некоторого отката назад после демонстративной либерализации 2011 г. говорить о резком ужесточении политического режима в последующий

период не приходится, а одинаковые значения с Египтом здесь и вовсе кажутся странными.

Что касается данных, так или иначе характеризующих развитие правовых систем, то лучше всего здесь показывает себя Иордания, демонстрирующая позитивную динамику, несколько хуже — Тунис и Марокко. В первом случае наблюдаются некоторые позитивные изменения, во втором — негативные. У Алжира и у Египта показатели низкие, причем у Египта они сопровождаются и негативной динамикой. Средний индекс по странам при этом оказывается чуть ниже среднего — меньше 2.

Самые низкие значения дают индексы коррупции, причем все страны, за исключением Иордании, демонстрируют отчетливую негативную динамику. Это несколько расходится с данными Transparency International, в рейтинге которой все рассматриваемые государства занимают устойчивые позиции в середине списка (намного выше России с ее 131-м местом). В 2016 г. Алжир и Египет занимали в нем 108-е место с индексом 34, Марокко — 90-е с индексом 37, Тунис — 75-е с индексом 41 и Иордания — 57-е с индексом 48. Принципиальных изменений по сравнению с 2012 г. не обнаруживается [*Transparency...*, 2012, 2016].

Таким образом, обе базы данных указывают на серьезный позитивный отрыв Иордании, среднее положение Туниса и Марокко и слабые позиции Алжира и Египта, хотя данные по Алжиру вызывают сомнения.

Если выделить из всех рассматриваемых в IPD показателей три наиболее значимых — независимость судов, выполняемость их решений и равенство граждан перед законом, то рейтинг стран несколько изменится. Наиболее положительные результаты будут у Туниса и Иордании, затем идут Египет, Марокко и Алжир. Правда, у Египта это сопровождается отрицательной динамикой, а у Туниса и Марокко положительной, в случае с Тунисом — сильной. Несмотря на всю нюансировку, общая шкала ПОД по уровню развития правовых систем получается следующей: Иордания, Тунис/Марокко, Алжир/Египет.

#### ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ И АГЕНТЫ НАСИЛИЯ

Рассмотрим теперь выделенные страны с точки зрения их способности справляться с рутинными проблемами, наиболее показательными из которых являются переход власти от одного правителя к другому и проявления массового недовольства.

Сама монархическая природа власти в Марокко и Иордании позволяет этим двум государствам решать проблему передачи власти несколько проще (и реже), чем остальным трем странам: ни Абдалла II в Иордании, ни Мухаммед VI в Марокко, правящие своими странами с 1999 г., не сталкивались с какими-либо проблемами при восшествии на престол. На протяжении почти двух десятилетий оба монарха демонстрируют виртуозное искусство манипулирования политическим классом — как посредством партийной системы, так и через институты исполнительной власти. Иорданская политическая практика при этом выглядит несколько более жесткой, чем марокканская, значительную роль в ней играет фактор внешних угроз. Характерно, что если в Марокко власть всегда тщательно следила за корректным соблюдением электоральных циклов, то в Иордании роспуск парламента и назначение внеочередных выборов остаются нормальной практикой.

Из остальных трех стран успешная передача власти в последние годы была осуществлена в Тунисе, однако для этого потребовалось прибегнуть к так называемому национальному диалогу и использовать внутренних и внешних посредников. В Алжире уже не первый год готовятся к уходу А. Бутефлики, продолжение правления которого, несмотря на тяжелое состояние здоровья с 2013 г., свидетельствует о неспособности элит достичь устойчивого компромисса, с одной стороны, и их страха перед реформатированием сложившихся альянсов, — с другой. В Египте последние два раза власть менялась революционным путем, и ожидать ее смены посредством выборов в ближайшее время нет оснований. Что касается проявлений народного недовольства, то здесь довольно легко

определить два крайних случая реакции – Тунис и Египет. Если в Тунисе массовые протесты за последние семь лет стали постоянным элементом общественной жизни, то в Египте после событий 2013 г. они, напротив, почти исчезли из обычной практики. В Марокко и Иордании, в свою очередь, кажется, власти меньше склонны применять репрессии по отношению к протестующим, чем в Алжире. Однако если в Алжире допустимы нападки на любых участников публичной политики, то в королевствах правители и члены королевских семей остаются вне критики.

В такой ситуации ранжировать страны довольно трудно. Кажется, что марокканская и иорданская системы лучше справляются с ординарными вызовами, однако все их успехи обеспечиваются исключительно авторитетом королевской власти, в случае падения которого они окажутся ничем не защищены. Учитывая отсутствие каких бы то ни было измерителей отношения обществ к монаршим персонам, подобное падение может произойти совершенно неожиданно.

В Тунисе, при всей благотворности текущих изменений, массовость протестных движений объясняется не столько развитостью системы, сколько ее неспособностью осуществлять законные полномочия исполнительной власти. Тем не менее, при сохранении прежнего уровня внешней поддержки развитие накопленного за последние годы позитивного опыта вполне может привести к усилению ПОД. В Алжире система кажется довольно стабильной, что, однако, становится возможным из-за сохраняющихся как в обществе, так и среди элит убежденности в пагубности революций, в опасности быстрых изменений и страха перед возможным насилием. Время в такой ситуации работает против ПОД. В Египте господствующая коалиция пока отдает предпочтение репрессивным мерам, что в условиях нарастающего экономического кризиса грозит серьезными проблемами.

Наконец, последний из предложенных Д. Нортон показателей – способность ПОД осуществлять консолидированный контроль над вооруженными силами или, точнее, всеми агентами насилия. Следует подчеркнуть, что речь идет не столько о политическом контроле над институтами легитимного насилия (подобное требование можно применять к ПСД или к ПОД на стадии перехода к ПСД), сколько о консолидации силовых структур в рамках ПОД.

Все рассматриваемые страны показывают высокий уровень консолидации, лишь в случае с Тунисом произошла деполитизация силовых структур в рамках республиканской системы. В Алжире и Египте армия и спецслужбы остаются основными контролерами политической жизни, причем в Египте эта их функция получила институциональное оформление.

Наиболее серьезной угрозе консолидированные силовые структуры подвергаются со стороны террористических формирований, способных при росте эксклюзивности систем получить социальную поддержку. Каждая из рассматриваемых стран по-своему уязвима: в Египте эта уязвимость связана с негативной динамикой развития самой ПОД, в Тунисе и Иордании – с угрозой перетекания на их территорию террористических группировок извне. Алжир и особенно Марокко, как представляется, могут чувствовать себя в большей безопасности.

#### РАЗЛИЧНАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗНЫХ ГОСУДАРСТВ

Рассмотрение выделенных характеристик ПОД показывает, что самые хрупкие из них – Алжир и Египет, причем Египет демонстрирует устойчивую негативную динамику. К группе относительно развитых ПОД могут быть отнесены Марокко, Тунис и Иордания, причем Тунис и Иордания развиваются лучше, чем Марокко. Но если вернуться к первоначальному вопросу – что значит укрепление государственности на Ближнем Востоке, то вряд ли удастся дать на него некий универсальный ответ.

Так, в случае с Египтом ключевая проблема, по всей видимости, состоит в неуверенности политической элиты, чувствующей, что любое расширение правящей коалиции

может привести к разрушению ПОД. Соответственно внешняя поддержка политического режима, обусловленная требованиями создания сети организаций (пусть и подконтрольных ему) могла бы оказаться полезной. Вместе с тем, движение “вниз-вверх”, предполагающее поддержку гражданской активности, на нынешнем этапе привело бы к еще большему ослаблению ПОД. Ключевой вопрос о возможности создания зрелой ПОД в Египте без изменения институциональной основы отношений между обществом и силовыми структурами остается открытым.

В Марокко и Иордании меры по укреплению системы должны включать в себя создание монархическими режимами “подушки безопасности”, которая позволила бы частично вывести стабильность ПОД из зависимости от авторитета личности монарха. В Иордании речь может идти об обмене помощи в обеспечении безопасности страны на либерализацию деятельности НПО, в Марокко — о дополнении уже существующей сети организаций не зависящими от “махзена” неполитическими структурами. В случае с Алжиром возможности внешних игроков позитивно воздействовать на систему кажутся ограниченными. Что касается Туниса, то здесь речь может идти о сохранении поддержки НПО, однако без одновременного укрепления государственных институтов, прежде всего отвечающих за рутинное функционирование системы, возможно нарастание хрупкости.

Итак, рассмотрение политических систем арабских государств через призму теории социальных порядков позволяет их дифференцировать, определив различное содержание идеи поддержки государственности в каждом отдельном случае. Совершенно неважно в этом контексте, считаем ли мы, что на Ближнем Востоке была сформирована некая специфическая модель государственности или страны региона не смогли в полной мере построить обычные национальные государства, — укрепление системы в любом случае требует выработки уникальной стратегии в каждом отдельном случае.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Звягельская И.Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке: невыносимая хрупкость бытия // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10, № 2. С. 97–109. [Zviagel'skaia I.D. Suverenitet i gosudarstvennost' na Blizhnem Vostoke: nevynosimaia khрупkost' bytiia // *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. 2017. Vol. 10, № 2. Pp. 97–109 (in Russian)].

Звягельская И.Д., Кузнецов В.А., Морозов В.М. *Ближневосточная государственность: от постколониализма к неизвестности. 25 лет внешней политики России*. Сборник материалов X конвента РАМИ. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2017. С. 177–192 [Zviagel'skaia I.D. Kuznetsov V.A., Morozov V.M. *Blizhnevostochnaia gosudarstvennost': ot postkolonializma k neizvestnosti. 25 let vneshnei politike Rossii. Sbornik materialov X konventa RAMI*. Moscow: MGIMO, 2017. Vol. 10, № 2. (in Russian)].

Капустин Б.Г. К понятию политического насилия // *Полис. Политические исследования*. 2003. № 6. С. 6–26 [Kapustin B.G. K poniatiiu politicheskogo nasiliia // *Polis. Politicheskie issledovaniia*. 2003. № 6. Pp. 6–26 (in Russian)].

Кузнецов В., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире // *Россия в глобальной политике*. 13.03.2016. <http://www.globalaffairs.ru/valday/Bezalternativnaya-khрупkost'-sudba-gosudarstva-natsii-v-arabskom-mire-18043> [Kuznetsov V., Salem V. *Bezalternativnaia khрупkost': sud'ba gosudarstva-natsii v arabskom mire* // *Rossia v global'noi politike*. 13.03.2016 (in Russian)] (accessed 10.01.2018).

Наумкин В.В. Цивилизации и кризис наций-государств // *Россия в глобальной политике*. 2014. Т. 12, № 1. С. 41–58 [Naumkin V.V. Tsvivilizatsii i krizis natsii-gosudarstv // *Rossia v global'noi politike*. 2014. T. 12, № 1. Pp. 41–58 (in Russian)].

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Издательство Института Гайдара, 2011 [North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge University Press, 2009, Russian Translation: Moscow, 2011 (in Russian)].

Alkhodour R. *Estimating the Shadow Economy in Jordan. Causes, Consequences, and Political Implication*. Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy Colorado State University Fort Collins, Colorado Fall 2011. Pp. 69–91. The Informal Sector in the Jordanian Economy. United Nations Development Programme (UNDP). 2013. <http://www.undp.org/content/dam/jordan/docs/Publications/Gov/The%20Informal%20Sector%20in%20the%20Jordanian%20Economy-jo.pdf> (accessed 07.01.2018).

Atef M. *NGO Law in Egypt*. Fikra Forum. <http://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/ngo-law-in-egypt> (accessed 28.12.2017).

Bazin C. Malet J. *La France associative en mouvement*. September 2016. [http://www.associations.gouv.fr/IMG/pdf/france\\_associative-28-09-2016.pdf](http://www.associations.gouv.fr/IMG/pdf/france_associative-28-09-2016.pdf) (accessed 04.01.2018).

Chen M., Harvey J. *The Informal Economy of Arab Nations: A Comparative Perspective. Paper for Arab Watch Report on Informal Employment in MENA Region*. 01.23.2017. <http://www.wiego.org/sites/default/files/resources/files/Informal-Economy-Arab-Countries-2017.pdf> (accessed 05.01.2018).

*Enquête Nationale auprès des Institutions Sans But Lucratif (ISBL)* (Exercice 2007). Haut Commissariat au Plan. Rabat, 2011.

Gobat J., Kostial K. Syria's Conflict Economy. *IMF Working Paper*. June 2016: International Monetary Fund. <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2016/wp16123.pdf> (accessed 21.12.2017).

Hassan H.A. Civil Society in Egypt under the Mubarak Regime // *Afro-Asian Journal of Social Sciences*. 2011. Vol. 2, № 2.2. <http://onlineresearchjournals.com/aaajoss/art/61.pdf> (accessed 05.01.2018).

Hassan M., Schneider F. Modelling the Egyptian Shadow Economy: A MIMIC model and A Currency Demand approach // *Journal of Economics and Political Economy*. 2016. Vol. 3, Issue 2. Pp. 309–339.

Jarrah S. Civil Society and Public Freedom in Jordan: The Path of Democratic Reform. The Saban Center at The Brookings Institution. *Working Paper*. 2009. № 3. [https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/07\\_jordan\\_jarrah.pdf](https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/07_jordan_jarrah.pdf) (accessed 06.01.2018).

OECD (2017). Towards a New Partnership with Citizens. Jordan's Decentralization Reform. *OECD Public Governance Reviews*. Paris: OECD Publishing. 2017.

Salisbury P. *Yemen and the business of war*. The Chatham House. August–September 2017. <https://www.chathamhouse.org/publications/twt/yemen-and-business-war> (accessed 02.01.2018).

Tunisie: Plus de 10.000 associations créées au cours des 5 dernières années sans aucun suivi de l'Etat // *Webdo.tn*. <http://www.webdo.tn/2016/10/27/tunisie-plus-de-10-000-associations-creees-cours-5-dernieres-annees-suivi-de-letat/> (accessed 07.01.2018).

Young K.E. *War at Any Price: Domestic and Regional Economic Consequences of Yemen's Civil War* // Arab Gulf States Institute in Washington. Issue Paper № 6. 2017. [http://www.agsiw.org/wp-content/uploads/2017/05/Young\\_War-at-Any-Price\\_ONLINE.pdf](http://www.agsiw.org/wp-content/uploads/2017/05/Young_War-at-Any-Price_ONLINE.pdf) (accessed 02.01.2018).

## ИСТОЧНИКИ

*МВД АНДР*. <http://www.interieur.gov.dz/images/pdf/Thematiquedesassociations.pdf> (accessed 26.12.2017).

Homicide counts and rates (2000–2015) // *UNODC Statistics*. <https://data.unodc.org/#state:2> (accessed 20.12.2017).

*Institutional Profil Database (IPD)*. <http://www.cepii.fr/institutions/FR/ipd.asp> (accessed 20.12.2017).

Le Maroc compte 130.000 associations en 2016 // *Medias 24*. Le 14 mars 2016. <https://www.medias24.com/SOCIETE/162411-Le-Maroc-compte-130.000-associations-en-2016.html> (accessed 25.12.2017).

*Libya's Shadow Economy*. Humanitarian Access Team. April, 2017. [https://www.mercycorps.org/sites/default/files/Mercy%20Corps\\_Libya%20Shadow%20Economy.pdf](https://www.mercycorps.org/sites/default/files/Mercy%20Corps_Libya%20Shadow%20Economy.pdf) (accessed 15.12.2017).

Plus de 89.000 associations recensées sur la scène nationale (Ould Kablia) // *Algerie Focus*. 21 decembre 2011. <http://www.algerie-focus.com/2011/12/plus-de-89-000-associations-recensees-sur-la-scene-nationale-ould-kablia/> (accessed 08.01.2018).

Tableau Général des Associations au 28 Novembre 2017 // *Le centre d'information, de formation, d'études et de documentation sur les associations*. <http://www.ifeda.org.tn/stats/francais.pdf> (accessed 20.12.2017).

*Transparency International*, 2012. <https://www.transparency.org/cpi2012/results#myAnchor1> (accessed 20.12.2017).

*Transparency International*, 2016. [https://www.transparency.org/news/feature/corruption\\_perceptions\\_index\\_2016#table](https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016#table) (accessed 20.12.2017).